

Если бы у Го Нуаня сейчас под рукой оказался телефон, единственное, что он бы сделал — зашёл в интернет и спросил на каком-нибудь форуме: «Как утешить человека, если ты собака?».

Но ответов из сети ждать не приходилось. Оставалось полагаться лишь на собственную смекалку и судорожно вспоминать, как домашние псы обычно выражают преданность и ласку.

Будучи человеком, он не видел ничего предосудительного в том, чтобы его лизнула собака. Но теперь, оказавшись в шкуре пса, он испытывал странную брезгливость от мысли, что ему самому придётся кого-то облизывать. Чувствовалось в этом что-то неестественное.

Го Нуань дал себе зарок: Лэй Лижэнь никогда, ни при каких обстоятельствах не должен узнать, что его преданный пёс на самом деле человек. Впрочем, парень и сам понятия не имел, суждено ли ему когда-нибудь вернуть прежний облик и рассказать обо всём.

— Гав! Гав!

Прекрасно понимая, что человеческого языка мальчик не разберёт, Го Нуань всё же попытался подать голос. Он осторожно коснулся шершавым языком щеки Лэй Лижэня, а затем устроился поблизости, тихо и жалобно заскулив.

Лэй Лижэнь с трудом повернул голову. Рядом с ним, развернувшись задом, сидел маленький жёлтый щенок. Его грязная, свалявшаяся шерсть выдавала в нём бродягу, который уже давно прибился к Кладбищу брошенных душ. И всё же то, как этот зверёк упрямо загородил его своим телом, походило на попытку защитить.

«И кто я такой, чтобы меня защищали?»

Неужели теперь его участь — полагаться на защиту бездомной собаки? Лэй Лижэнь горько усмехнулся. Он тут же почувствовал резкую боль в раненой, искусанной в кровь губе, но даже не обратил на это внимания.

Если даже паршивый пёс, прозябающий на Кладбище брошенных душ, упрямо цепляется за жизнь, то как должен вести себя он? Человек?

Неужели он готов опустить руки после первой же неудачи? Сдаться и умереть? Тогда он действительно хуже собаки. Ведь дворовый пёс, даже переломав лапы, будет ползти и скулить, борясь за каждый вдох. А он просто лежит и ждёт конца.

— Надо же... Я оказался слабее бродячей собаки.

Он затрясся от беззвучного смеха. Резкие вдохи отзывались по всему измученному телу невыносимой болью, но остановиться не мог. По щекам покатались слёзы, смешиваясь с грязью и кровью.

«Что ещё за сравнения? Что плохого в том, чтобы быть собакой?»

Го Нуань возмущённо фыркнул. Обида захлестнула его, но выразить своё крайнее недовольство он мог лишь грозным тявканьем.

Лэй Лижэнь тускло улыбнулся, словно пёс действительно упрекал его.

— Хотя... откуда тебе знать? Ты ведь всего лишь глупый зверь.

Услышав это, Го Нуань резко развернулся и разразился яростным лаем прямо в лицо мальчику, наглядно демонстрируя своё возмущение. Затем он вновь демонстративно отвернулся, уткнувшись носом в землю и выставив назад куцей хвост. Всем своим видом он показывал, как глубоко оскорблён.

Мальчик невольно улыбнулся. Ему казалось, что этот странный пёс понимает каждое его слово. Влиятельные члены великих кланов часто заводили приручённых демонических зверей. Обладая зачатками разума, те становились грозными союзниками в бою, но даже они не вели себя настолько по-человечески. Этот же щенок выказывал характер так живо и непосредственно, словно в его теле скрывалась разумная душа.

«Надо же, какой гордый...»

Будь Лэй Лижэнь прежним — изнеженным молодым господином, обласканным вниманием семьи, — он бы даже не взглянул на столь жалкое существо. Возможно, он бы разгневался, заметив, что к нему приближается грязная уличная дворняга.

Но теперь, когда весь мир отвернулся от него, даже робкая забота бездомного пса казалась бесценным сокровищем. Он судорожно цеплялся за это тепло, боясь остаться в абсолютном одиночестве.

Девятилетний ребёнок ещё не успел полностью разочароваться в жизни. Где-то в глубине души Лэй Лижэня всё ещё тлела слабая надежда, которой суждено будет окончательно угаснуть лишь годы спустя, разбившись о жестокую реальность.

Если бы перед Го Нуанем сейчас лежал Лэй Лижэнь образца пяти- или десятилетней давности — безжалостный тиран, чьё имя заставляло содрогаться весь континент Цзолань, — парень уносил бы ноги без оглядки. В будущем этот мальчик превратится в кровожадного монстра, который не пощадит ни человека, ни зверя.

Но сейчас Лэй Лижэнь ещё не ожесточился окончательно. К тому же Го Нуань прекрасно понимал: собачий век короток, от силы лет пятнадцать, и влачить жалкое существование в теле дворняги до конца своих дней он не собирался. Главный герой романа — его единственный шанс разгадать тайну своего перемещения и вернуть человеческий облик.

Поэтому первоначальный план — бежать от будущего злодея как можно дальше — пришлось спешно пересматривать.

Конечно, навязываться напрямую он не станет. Сложно представить, чтобы будущий грозный палач вдруг растрогался и решил приютить щенка, да и сейчас Лэй Лижэнь сам едва держался за жизнь.

Лучшим решением казалось держаться в тени. Го Нуань решил оберегать мальчика издалека, помогая по мере сил и выжидая удобного момента для возвращения домой.

Однако очень быстро пришло понимание собственной наивности. Если Лэй Лижэнь — стержень этой вселенной, то и все нити ведут к нему. Его нелепое превращение в собаку наверняка было напрямую связано со здешним главным героем.

«И, конечно же, с тем мелочным писакой».

— Наверное, ты из редких демонических зверей? — прошептал Лэй Лижэнь, тускло глядя на щенка. — Раз понимаешь человеческую речь... Вот только не пойму, какая от тебя польза. На вид ты совершенно беспомощен.

Это было прямым оскорблением его собачьего достоинства.

«И почему в книге он казался таким молчаливым? На деле этот будущий тиран — ужасный зануда».

Го Нуань грозно зарычал, всем видом показывая, что шутки кончились.

— Эй, пёс, — негромко позвал Лэй Лижэнь. — Я скоро умру. Если ты питаешься падалью... съешь меня. Сгрызи до самых костей, чтобы от меня ничего не осталось. Чтобы в этом проклятом мире не сохранилось даже памяти о моём существовании.

«Ты себя вообще видел? Да я же лопну от такого обеда!»

Это была первая мысль Го Нуаня. К тому же он, как приличный человек, сырое мясо употреблять не собирался — только хорошо прожаренное. Стоп. Куда его вообще занесло? О чём он думает в такой момент?

То, что его тело превратилось в собачье, ещё не повод опускаться до повадок бродячего людоеда!

Го Нуань раздражённо заскреб передними лапами по сухой земле, поднимая тучи серой пыли. Где носит этого лекаря? В таком состоянии Лэй Лижэнь долго не протянет.

Не дождавшись ответа, Лэй Лижэнь сокрушённо вздохнул. Наверное, прежнее поведение щенка было лишь забавным совпадением. С чего бы судьбе проявлять к нему милосердие? Удаче не место в его жизни.

— Пить... как же хочется пить... — Лэй Лижэнь бессильно откинул голову на землю, отводя взгляд от сидящего рядом Го Нуаня. — Всё кончено. Глупо было надеяться на спасение.

В этой глуши он угаснет от голода и жажды за пару дней. Кладбище брошенных душ — проклятое место. Даже если редкий путник забредёт сюда, вряд ли он захочет марать руки ради умирающего калеки.

Го Нуань зарычал от досады. Неужели этот беспомощный, хнычущий ребёнок — тот самый грозный Владыка Девяти отголосков, который в будущем заставит трепетать весь мир? Человек, чьё имя станет синонимом первородного ужаса, так что никто не осмелится произносить его вслух, благоговейно именуя его просто «Лэй»? Из-за глубокой ненависти к своей семье Лэй Лижэнь откажется от кланового имени, и даже могущественному дому Лэй в стране Сюаньфу придётся смиренно склонить перед ним головы.

Чтобы привести мальчишку в чувство, Го Нуань изо всей силы хлестнул его хвостом по груди. Поднявшееся облачко пыли заставило Лэй Лижэня зайти в сухом, мучительном кашле, но на его искусанных губах снова появилась слабая, искренняя улыбка. Теперь он окончательно убедился: этот забавный пёс действительно всё понимает.

В романе «Боевое зло» упоминалось, что лекарь обнаружил покалеченного Лэй Лижэня на Кладбище брошенных душ на второй день после его изгнания, ближе к полудню. Однако автор, Гэань Цзянь, поленился объяснить, какого чёрта уважаемый Врач Ся из посёлка Селань вдруг потащился в это проклятое место. Сейчас солнце только-только поднялось над горизонтом. До заветного часа оставалось ещё много времени. Но придёт ли Старейшина Ся вообще?

Го Нуаня терзали смутные сомнения. Неужели этот мерзавец-писатель решил лично испытать его на прочность? Фраза Гэань Цзяня «Ну, попробуй» до сих пор набатом гудела в голове.

А ведь он всего лишь хотел проявить дружескую заботу и указать автору на очевидную сюжетную дыру! Ну почему известный на весь округ Врач Ся, бравший за приём немалые деньги, бросил дела и пришёл спасать безродного умирающего ребёнка?

Только бы этот пробел в сюжете не пришлось заполнять ему самому! Го Нуань занервничал. С его-то везением не хватало ещё оказаться втянутым в какой-нибудь смертельный квест, где

главной задачей будет спасение жизни будущего тирана.

Щенок, только что огревший его хвостом, затих. Лэй Лижэнь почувствовал укол разочарования. Мысли о самоубийстве отступили. Возможно, этот смышлённый зверёк так же одинок в этой глуши, как и он сам? Даже если ему суждено пробыть рядом совсем недолго, это короткое соседство наполняло его утешающую жизнь хоть каким-то смыслом.

Изнывая от беспокойства, Го Нуань принялся кружить вокруг распластанного тела. Звук частых шагов маленьких лап странным образом успокаивал Лэй Лижэня. Солнце поднялось выше, заливая блёклым теплом Кладбище брошенных душ — гиблое место, где обычно царил вечный полумрак.

Убаюканный этим шорохом, мальчик почувствовал, как сознание ускользает. Напряжение отступило, уступая место зыбкому, спасительному забытию. Ему привиделся сон — далёкий, несбыточный сон о тех временах, когда он ещё грелся в лучах семейного тепла и признания.

Заметив, что мальчик затих, Го Нуань испуганно замер. Пёс ткнулся влажным носом в бледную щёку, лизнул её раз-другой, но Лэй Лижэнь не реагировал.

Го Нуань затаил дыхание, пытаясь уловить хоть какое-то движение грудной клетки. Мальчик дышал столь слабо и прерывисто, что парень не на шутку перепугался. Прижавшись ухом к испачканной рубахе на груди Лэй Лижэня, он наконец различил редкие, глухие удары сердца.

«Да какое тут облегчение!»

Потеря сознания в таком состоянии — верный признак скорого конца.

Го Нуань заметался из стороны в сторону. Сквозь заросли бурьяна угадывалась едва заметная тропинка, ведущая прочь от кладбища — к посёлку Селань. Если Врач Ся решит прийти, другого пути у него просто нет.

Но зачем целителю сюда идти? Кладбище брошенных душ исстари славилось бесплодием: здесь не росли ни редкие коренья, ни целебные травы — лишь чахлый, высохший бурьян. Старейшина Ся, обременённый преклонными годами, без веской причины никогда бы не покинул свою лавку ради прогулки по этим мёртвым холмам.

Го Нуань отлично знал повадки старого лекаря. В последующих главах романа «Боевое зло» автору удалось создать на удивление глубокий и многогранный образ Врача Ся. Вот только пролог к его появлению на Кладбище брошенных душ так и остался нераскрытой тайной.